

Приняв решение, Лю Цинсянь в очередной раз уклонился от внезапного выпада и выкрикнул в самую гущу тумана:

— Демонические практики! Неужели за триста лет жизни вы не сподобились ни на что большее? Бойтесь света, словно крысы, раз не решаетесь даже показаться нам на глаза!

В тумане раздался ледяной смехок:

— Мальчишка, не надейся, что твои жалкие провокации сработают. Мы прожили слишком долго и видели противников куда серьезнее тебя.

Инь Сюань понял, что Лю Цинсянь пытается выманить врагов и определить их местоположение. Он мгновенно сосредоточился, отбрасывая лишние мысли; голубое сияние в его глазах вспыхнуло с новой силой, подобно яркому лазуриту.

— Раз старшие разгадали мой замысел, мне нечего добавить, — Лю Цинсянь сменил тон. — Что ж, я признаю поражение. Как насчёт сделки?

Скрежещущий голос отозвался:

— О? Только сейчас додумался до сделки?

Лю Цинсянь взмахнул рукой, накладывая Заклинание безмолвия, чтобы отсечь лишние уши, и глубоко вздохнул:

— Раз уж нас никто не слышит, скажу прямо. Полудемон у меня в руках. Я отдам его вам, если вы оставите мне жизнь.

Услышав это, Инь Сюань застыл, словно под ним разверзлась бездна. Он смотрел на Лю Цинсяня с болью и немым отчаянием.

Однако он увидел, как Цинсянь лукаво усмехнулся. Лорд пика едва заметно, одними губами, произнёс:

«Мы не расстанемся».

Словно тучи рассеялись после долгой бури: Инь Сюань ошеломлённо смотрел на него. В один миг горечь и страдания прошлых лет отступили, сменившись ощущением покоя и света.

Мальчик медленно улыбнулся и уверенно кивнул.

Тем временем в тумане зашёлся смехом другой голос:

— А я-то считал орден Линьцан оплотом добродетели! Оказывается, и вы в решающий момент готовы швырнуть ученика на растерзание, лишь бы спасти собственную шкуру?

Хриплый голос холодно предостерёг:

— Не ведись. Эти поборники «праведного пути» — лицемеры до мозга костей. Наверняка что-то замышляют.

— О каких праведниках речь? — лениво бросил Лю Цинсянь. — Весь мир знает Линьцан по четырём великим пикам — Линьшуан, Гуаньюй, Чжаньлэй и Цунлань. Обо мне, как о лорде пика Линсюэ, никто и доброго слова не скажет. Зачем мне после этого оставаться на стороне праведников?

Наступила тишина. Хорошая слава ордена и впрямь держалась на тех четырёх вершинах; Три предка Тунтао даже не сразу вспомнили, что существует какой-то пятый пик. С этой точки зрения предательство всеми забытого Лорда выглядело вполне логичным.

— К тому же, — невозмутимо добавил Лю Цинсянь, — хоть я и обещал принять мальчишку в ученики, он ещё не прошёл испытания ордена, а значит, официально нашим не считается.

— Отлично! — похвалил хриплый голос. — Нечасто встретишь столь бесстыдного и прямолинейного мерзавца.

Лю Цинсянь: «...»

Не то чтобы это прозвучало как комплимент.

Пока демоны перешёптывались в тумане, Инь Сюаньни прищурился, и в его взгляде застыла ледяная уверенность. Лю Цинсянь, наблюдавший за ним, понял — пора. Он подал знак Вэнь Цзиньлуань, замершей в ожидании.

Наконец, старческий голос проскрежетал:

— Что ж, мы согласны на...

В этот момент Инь Сюаньни резко распахнул глаза и выкрикнул:

— Прямо по курсу! Сорок чи на юго-запад, сто чи на северо-запад и шестьдесят чи на юго-восток! Они там!

Он помрачнел. Больше не было нужды притворяться — он рванулся вперёд, целясь точно в ближайшего врага на юго-западе. В этот удар он вложил всю свою внутреннюю энергию: мощь меча превратилась в ослепительный всполох, который намертво пригвоздил демона к стене.

Тот истошно закричал. Иллюзия мгновенно рассыпалась — ядовитый туман, хищные звери и призрачные стрелы исчезли, явив искажённые страхом лица троих стариков.

Ученики Линьцан, не теряя ни секунды, бросились разрушать Массивы пожирания духовной энергии. Зал постоянного двора залил сияющий свет артефактов, вытесняя тьму праведным негодованием.

Лишившись защиты иллюзий и магических ловушек, двое оставшихся демонов не смогли противостоять Вэнь Цзиньлуань — её Цветочная верёвка с колокольчиками в считанные мгновения спеленала их по рукам и ногам.

— Шиди! Не дай ему уйти!

Лю Цинсянь уже занёс меч для удара по третьему врагу, пытавшемуся вырваться, но в этот миг внутри него словно лопнула струна. Резкая боль прошла тело, силы оставили его, и он рухнул на колени.

Демонический практик, почуяв шанс, перехватил клинок и с яростным оскалом замахнулся для смертельного удара.

Инь Сюань в ужасе рванулся на помощь. Собственные силы были на исходе, но он, не раздумывая, закрыл Лю Цинсяня своим телом.

Система зашлась в истошном крике:

«О нет! Если антагонист погибнет сейчас, Теневой Небесный демон вырвется на свободу, и его будет некому остановить!»

Лю Цинсянь, собрав последние крохи воли, рванул мальчика на себя, укрывая его в объятиях и подставляя под удар собственную спину.

Инь Сюань широко открыл глаза. Тяжёлый клинок уже рассекал воздух.

Внезапно сбоку мелькнула стремительная тень. Юноша одним выверенным движением вонзил меч в горло демона.

Система и Лю Цинсянь замерли в оцепенении.

Син Яньчжу, покончив с врагом, обернулся и почтительно поклонился Лю Цинсяню:

— Мастерство старшего в этом бою... поистине повергло меня в священный трепет.

Лю Цинсянь мысленно выдохнул: «Нет-нет, это я в трепете перед тобой».

Сказать что-либо вслух он уже не мог — откат от магического усиления оказался сокрушительным. К горлу подкатила кровь; он сплюнул багровую муть и начал заваливаться набок.

Маленькие ладони подхватили его, не давая упасть на грязный пол. Лю Цинсянь оперся на худое детское плечо и заставил себя приоткрыть глаза. Он увидел в его разноцветных глазах непритворную тревогу.

Цинсянь слабо улыбнулся. Кажется, в этот раз он действительно не прогадал.

Удерживая сознание из последних сил, он негромко произнёс, обращаясь к мальчику:

— Помни... ты должен пройти испытания. Я буду ждать тебя... в самом конце пути.

Закончив фразу, он окончательно провалился в беспамятство.

Инь Сюань в панике пытался позвать его, но замер, не зная, как обратиться: он не ведал имени своего спасителя, а звать его наставником ещё не имел права.

Вэнь Цзиньлуань, закончив с пленниками, подбежала к ним и бережно переложив голову Лю Цинсяня к себе на колени. Она принялась лихорадочно ощупывать его пояс в поисках сумки-намотки, но та оказалась пуста.

— Где же Пилюля возвращения весны? — воскликнула она в растерянности.

Инь Сюань зацепился за знакомое название:

— Пилюля возвращения весны?

Вэнь Цзиньлуань, стараясь сохранять спокойствие, достала из собственного мешочка жемчужную капсулу и, проталкивая её в рот Лю Цинсяню, пояснила:

— Это уникальное снадобье Пиковых лордов. Оно способно вернуть человека с того света даже после смертельных ран. Буквально — заставить увядшее дерево расцвести весной. Оттого и название.

Инь Сюаньши замер, глядя на знакомую пилюлю. В памяти всплыло, как этот самый человек вложил ему в рот точно такое же лекарство, когда он сам умирал от ран.

Слёзы брызнули из глаз мальчика. Вцепившись в белоснежный рукав Лю Цинсяня, он прошептал, едва сглатывая рыдания:

— Он... он отдал свою пилюлю мне.

Рука Вэнь Цзиньлуань дрогнула. Она пристально посмотрела на ребёнка, но промолчала.

Инь Сюаньши вытер слёзы рукавом и с робкой надеждой взглянул на неё:

— Я всё ещё не знаю его титула. Он спас мне жизнь, я обязан запомнить его имя.

Вэнь Цзиньлуань мягко улыбнулась. Впервые она посмотрела на полудемона с искренним сочувствием и ласково коснулась его макушки:

— Не терзай себя долгами. Просто пройди испытание — это всё, чего он ждёт. Отныне и навсегда... он твой единственный Шицзунь.

— Ши... цзунь? — повторил Инь Сюаньши, чувствуя, как вместе с этим словом в груди разливается неведомое прежде тепло.

Син Яньчжу, молча наблюдавший за этой сценой, вздрогнул.

«Единственный... Шицзунь?»

Это слово отозвалось в его душе странным эхом. Почему оно одновременно заставляло его сердце жадно тянуться навстречу и в то же время — в ужасе искать путь к бегству?

Вэнь Цзиньлуань, видя, что Лю Цинсяню не становится лучше, сосредоточилась на лечении, вливая в него свою внутреннюю энергию.

Инь Сюаньши ощутил внезапную пустоту в руках. Не успел он опомниться, как почувствовал на себе чей-то враждебный взгляд. Мальчик мгновенно отбросил смятение; он стал холодным и собранным. Он обернулся и встретился глазами с Син Яньчжу — двое юношей застыли в немом противостоянии, прожигая друг друга полными ненависти взглядами.